

ИРИНА
ЛОБАНОВСКАЯ

Семейные тайны

Может быть, бессмысленно искать
в страстной любви
хоть какой-нибудь толк...

БЕСТОЛКОВАЯ
ЛЮБОВЬ

Ирина Лобановская
Бестолковая любовь

«Центрполиграф»

2007

Лобановская И. И.

Бестолковая любовь / И. И. Лобановская — «Центрполиграф», 2007

Случайная встреча перевернула тихую жизнь ничем не примечательного начинающего поэта Севы Бакейкина: в шумной пестрой толпе цыганок он увидел девушку, красота которой поразила его в самое сердце. Жизнь с молодой цыганкой Катей, равнодушной к быту и благам цивилизации, оказалось непростой. Но Сева вполне счастлив – если бы не многочисленная Катина родня, заполонившая его квартиру. Брат поэта Николай помогает Севе избавиться от непрошенных гостей, но... Вместе с ними уходит и Катя, и Сева осознает, что без любви к черноволосой цыганке жизни ему нет...

© Лобановская И. И., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Лобановская

Бестолковая любовь

Глава 1

Как же она была хороша!

Сева отошел от метро в сторону и остановился, не в силах вспомнить, куда и зачем направлялся.

Шумная, яркая, режущая пестротой глаза стайка цыганок металась рядом, задевая прохожих. Одна хватала идущих за рукава, другая толкала всех грудным ребенком, никак не реагирующим на эту суету. Может быть, в одеяло была завернута кукла?

К Севе цыганки не подходили, пока, наконец, самая внимательная не заметила, что он застыл, тупо уставясь на ее подружку. Скользящей походкой цыганка двинулась к нему, размашисто подметая асфальт подолом, и привычно дружелюбно запела на ходу:

– Яхонтовый ты мой, рубиновый! Что стоишь задумался? Давай всю правду о тебе скажу, ласковый!

Сева и без нее знал всю правду о себе. Горькую, как хлористый кальций. Он был маленький, коротконогий, ничем не привлекательный для женщин начинающий поэт, которого почти не печатали. Так себе мужчинка... И сам над собой иногда грустно посмеивался. А фамилия!.. Это даже нарочно не придумаешь – его фамилия одна чего стоит. Тем более для поэта.

Бакейкин... Всеволод Бакейкин... Произнеси только раз – и сразу в редакциях начинаются ухмылки и смешки. Предлагать стихи уже не обязательно – и так все ясно.

– Возьми псевдоним, болван! – говорили соратники и соперники по поэтическому цеху. – Давно пора.

Но Сева упрямился.

– Фамилия – это родовое понятие, – твердил он. – Это на всю жизнь! Как это – меняй?.. Какой еще псевдоним?

– Дурак! – подводили итог приятели.

Но Сева был уверен, что и псевдоним ровно ничего не изменил бы в его творческой биографии, а показаться кому-то смешным он никогда не боялся. И считал эту боязнь пороком, не просто отталкивающим, но прямо-таки губительным для души и творчества.

Однокомнатная квартирка в доме-панельке возле метро «Бибирево», доставшаяся Севе от бабки и деда, тоже до сих пор никого не заинтересовала. Кому он нужен, этот Севка?..

Но цыганка, как большинство баб, оказалась настырной.

– Что было, что будет, скажу! – настаивала она на своем нелепом желании пророчествовать.

Гордыня ее заела...

– Это не вопрос: все эти бесконечные «былы» да «завтры», – пробурчал Сева. – Предлагаю компромиссное решение: пусть она о них расскажет! – И неожиданно для самого себя кивнул в сторону той, что молча стояла возле газетного киоска и безразлично играла кистями ярко-зеленого платка, угловато висевшего на плечах.

И подумал, что обычное молчание – всегда очень весомый аргумент, который часто трудно опровергнуть. Разве что таким же долгим молчанием в ответ...

– Не умеет она гадать, ласковый! Молодая еще! – пропела цыганка постарше и тотчас поманила молоденькую в зеленом платке, гневно топнув при этом ногой: – А пойдی сюда, зовут, не слышишь?

Девушка подошла и равнодушно остановилась рядом. Бесстрастные карие глаза смотрели прямо, почти не моргая, коса была такой толстой и длинной, что казалась искусственной.

«Красавица! – с восторгом подумал Сева. – Бывают же такие на свете!»

Тем временем первая цыганка срочно пересмотрела свое заявление, и выяснилось, что ее юная подружка тоже умеет прекрасно гадать.

– Ох, как она гадают, ласковый! – в экстазе, с дурной театральщиной заголосила цыганка, подталкивая молоденькую товарку к Севе. – Ох, как гадают, яхонтовый! Погадай у нее – никогда не пожалеешь! Пусть скажет тебе все, что было и что будет!

Кареглазая уже собиралась взять Севу за руку, но слушать о том, что было, ему показалось чересчур неинтересным, а то, что будет, Сева внезапно понял сам. Недаром он родился поэтом и завоевал совершенно законное право на непредсказуемые и неоправданные поступки.

Сева решительно взял молчунью за руку и спросил:

– Тебя как зовут?

– Зови Катей, – равнодушно ответила она.

С таким же успехом красавица могла назвать любое другое имя.

– Пойдешь со мной? – спросил Сева.

Цыганка постарше грубо подтолкнула кареглазую.

– А пойду, – флегматично согласилась красавица.

И Сева повез ее к себе в Бибирево, задыхаясь от восторга и нежности.

Через несколько дней Кате были представлены все приятели Севы.

Она ходила по квартире босиком, ступая мягко и осторожно, с интересом рассматривала ноутбук – деньги на его покупку дал младший брат Всеволода – и спокойно, не задумываясь, отвечала на любые вопросы. Севе Катя доверчиво сообщила, что ей восемнадцать лет. Больше дать было невозможно, но Севины приятели уверяли, что самое малое – двадцать пять.

– Ну как она? – спрашивал Сева шепотом у приятелей.

– Красавица, – отвечали ему и пожимали плечами. – Конечно, красавица, а что дальше?

Приятели стихов не писали.

Медовый месяц прошел тихо. Катя продолжала носить яркие одежды и бусы, не любила ходить по магазинам и плохо понимала, что в ванне нужно мыться хотя бы раз в неделю. Ее роскошная коса лоснилась от жира, ноги были серыми от бесконечного хождения босиком. Но Сева тоже особой аккуратностью не отличался, поэтому претензий Кате не предъявлял.

С утра до ночи она сидела в кресле перед телевизором. Своего мнения о передачах не высказывала, просто смотрела все подряд, ела мало, едва кусочничала, и казалась вполне довольной своей новой жизнью. За этот счастливый месяц Севе удалось выяснить, что он, оказывается, нуждался только в слушателе: такая вот молчаливая, бесстрастная Катя его очень устраивала. О дальнейшем Сева просто не думал: его никогда не заботило, что будет.

Теперь он всегда рвался домой, радостно припоминая, как ярко выделяется чернотой и смуглостью на белой простыне и наволочке лежащая рядом с ним Катя. Вот когда он был полностью раскрепощен, освобожден от каждодневных утомительных забот и мелких укусов повседневности, от ее суеты и тягостности. Он легко уходил от них, отрешался, забывал их, становясь, наконец, безмятежным. Все стало простым, естественным, спокойным – и почти нереальным.

Катя ничего не требовала, ни о чем не просила и ничему не удивлялась, на происходящее реагировала хладнокровно, равнодушно поводя вздернутым худым плечом. Но на Севу она поглядывала иногда очень странно: настороженно, неуверенно, словно хорошо представляла, как все вокруг непрочное, ненадолго, временно, ждала и боялась скорой гибели хрупкого необычного мирка, созданного Севиным богатым воображением. Она знала куда больше, чем Сева, и куда больше, чем говорила, но Сева Катиных взглядов не понимал.

– Тебе нравится у меня? – порой интересовался он, просто для того, чтобы еще раз убедиться в случившемся.

Катя неопределенно поднимала худое плечо и бесхитростно улыбалась.

– Но ведь ты не уйдешь от меня, – утвердительно спрашивал Сева.

– Нет, – говорила Катя. – Зачем мне уходить?

– Конечно, незачем. Это не вопрос, – радостно соглашался с ней Сева и успокаивался.

Его прежние отношения с женщинами всегда складывались плохо и сложно. Сложнее, чем ему того хотелось. Они нравились Севе – почти все, и он искренне их жалел. Женщины казались ему нежными, беззащитными, смешными со своими застёжками, кружевами, каблукками и вечными тревогами за причёску и косметику, размываемые дождем и снегом. Он не догадывался, что проявление такой незащищенности – вечное и могучее орудие женщин.

Только они никогда его не любили, требовали то денег, то недешевеньких подарков, то поездок за границу, – и Сева сам оказывался совершенно беспомощным перед несовпадением их желаний и своих возможностей.

Однажды он решил показаться перед девушкой хватом. Наскреб денег, частично перехватил у брата и сводил ее в продвинутый, по-настоящему роскошный ресторан. Девушка по имени Ольга искренне радовалась дорогому развлечению, с удовольствием съела все заказанное, послушала музыку, повосторгалась... Сева даже отважился на один танец с Оленькой. Хорошо, что не оттоптал ей все ноги.

А через неделю она позвонила и откровенными намеками стала проситься опять в ресторан. Уже в другой. Уверилась, что у ее неказистого кавалера есть приличные деньги. А раз так, то Ольге ситуация очень понравилась, все складывалось довольно удачно, и почему бы ему не сводить ее еще куда-то?

Сева оказался в дурацком и смешном положении, которое сам себе создал. И что делать? Признаться – значит раскрыть свой обман. А отправляться в другой ресторан – не на что... Брат и так уже бурчал: «Живешь не по средствам...»

В общем, Сева стал изворачиваться: мол, обязательно еще сходим, но у меня сейчас срочные дела, работа, подожди, вот буду посвободнее... Он чувствовал себя препаришво. Как все это тупо и нелепо по части перспективы... Деньги стояли мощным барьером – недаром раньше говорили «мошна»! – между Севой и прекрасной половиной. Общности между ними не возникло ни разу, поэтому в Кате он увидел спасительный выход. Она воплощала в себе все, что было нужно, – красоту, изрядную долю романтики, непритязательность и нетребовательность, простоту и неумение вести длинные, интеллектуальные и беспредметные разговоры.

Правда, Севе хотелось, чтобы она, согласно штампу, играла на гитаре, пела и танцевала, тряся плечами, но Катя ничего этого не умела. Холодноватая, она оставалась абсолютно безразличной к музыке. Катя ни на что не посягала, а главное, не претендовала на Севу, предоставляя ему полное право быть свободным, – и это тоже казалось нереальным.

Она странным образом сломала его жизнь и внесла в нее так много, что ему все время хотелось ее за что-то благодарить, впадая в блаженное умиротворенное состояние. В основном Сева теперь писал о гаданиях, предсказателях, судьбе и интуиции. Возможностей было хоть отбавляй. Тихонько пощелкивал компьютер.

Гадать... Какая благодать
В ладонь чужую утыкаться...
Узоров связь перебирать,
В изгибы линий попадаться...
Чужой судьбы густая вязь,
Таящая, должно быть, тайну.
А я пред нею – не таясь,

Хотя, конечно, здесь случайный.
Гадать... Такая благодать!
Начать с абзаца, кончить мукой...
Искать тебя, себя искать...
Но как, скажи мне, просят руку?

Кто-то из друзей заявил, что по-русски правильно «просить руки», а не «руку». Друзья стихов не писали.

А прочитав в другом стихотворении: «Метнулась птицей, юбки веер, волос тяжелых водопад», друзья посетовали на неточность, поскольку «веер» – это плиссированная юбка, а не сборчатая, как у цыганок. Критиков на Севином веку хватало.

Глава 2

Сева вырос в семье инженеров. Простых и советских. Насквозь обыкновенных. Сколько получали родители и как всю жизнь сводили концы с концами, знали лишь они сами. Но жили родители довольно дружно, хотя мать по имени Жанна совершенно очевидно любила больше младшего Кольку и предпочитала его всем и всегда. Ситуация была прозрачна и стерильна, как отфильтрованная вода, – отец мальчишек, Виталик Бакейкин, женился на Жанне после рождения младшего, словно с его помощью. И она осталась безмерно благодарной Коленьке за благоприобретенного и столь желанного мужа.

Вообще добиваться законных мужей с помощью детишек – прием довольно старый, опробованный и не сказать чтобы слишком плохой или чересчур рискованный. Без риска нельзя даже прикоснуться к металлическим держалкам в вагоне метро – сразу рождается электрический разряд, пролетает та самая искра, из которой... Ну, пламя, конечно, не разгорится, однако каждому становится неприятно и как-то дискомфортно – ты за нее, эту палку, хватаешься, чтобы с ног не свалиться и в спину уставших сотоварищей по вагону не упереться, а она, гадюка, тебя – током... Как непокорная женщина. Ты ее – за талию, а она тебя – вдруг по морде. Да за что?! За какие грехи?! Они еще еле-еле намечались. Только есть на свете женщины и предметы, абсолютно уверенные в человеческой греховности. Заранее. Всерьез. И переубедить их нельзя. Потому что их сознание жестко диктует одно и то же – они, именно они абсолютно правы. Всегда и во всем.

Жанна была такой же убежденной в собственной правоте, но о грехах не задумывалась. Вообще будущие Севины родители размышляли о жизни мало. Она попросту не стоила их раздумий.

А посему его будущая мамочка – тогда еще девочка Жанна – пустилась во все тяжкие, едва почуяв себя студенткой. Она жалела о бессмысленно и бесцельно прожитых школьных годах, когда умненькие, не в пример ей, подружки бегали в кино, танцевали в компаниях и обучались мастерству поцелуя в темных подъездах. А она, Жанна, повинаясь мудрым родительским наставлениям: «Доченька, учись! Учись, доченька! Это главное в жизни», сидела все вечера напролет за учебниками. Она была послушной дочерью. Несообразительной. И верила тогда, будто родители хорошо знают, что главное, а что – нет. Ничего они не знали! Только делали вид. Просто мастерски притворялись, что знают. Как большинство живущих на земле.

– Маменька, какая ты законопослушная! – значительно позже ехидно протянул однажды ее младший сын, язвительный и вредный Колька.

Именно ему Жанна была обязана мужем. И никогда не забывала об этом.

Студенческие отношения – они часто легкие, двусмысленные и недвусмысленные одновременно. Когда радость жизни срывает всех первокурсников-неофитов с неустойчивых юных тормозов и не дает никому ни малейшей возможности осознать самое себя, свои отношения с миром, продумать свою линию жизни... Линия жизни... А что это такое?..

На первом курсе Жанна надумала жить по-новому, прежних ошибок больше не совершать и переписать набело свое черное и скучное прошлое. Красотой она не блистала, зато брала разумностью, самонадеянностью и отчаянным, вырвавшимся на весеннее приволье желанием бескрайне свободной жизни. А оно, это желание, спрятать никому никогда еще не удавалось, и поэтому противоположный пол шагает на такое откровение заворуженно и смело, как на зеленый волшебный огонек светофора.

Жанна быстро натренировалась, овладела нехитрым искусством любви, все испытала, сделала два аборта и вдруг обратила внимание на Виталика. Его все так, и только так называли – Виталик, до того он был мягкий, тихий и застенчивый. Из таких веревки вить... Правда, первая попытка свить с ним гнездышко почему-то сорвалась. Нежданно-негаданно.

Жанна родила сына и радостно сообщила об этом Виталику. Тот нежно улыбнулся и доброжелательно заметил:

– Ты молодец!

Жанна удивилась. Нет, не выданной ей характеристике. Что она молодец, Жанна не сомневалась ни секунды, но она ждала продолжения. Точнее, предложения. Она сама его уже сделала первой в виде сына.

Жанна не задумывалась, хотя стоило бы, над тем, что Виталик Бакейкин, который жил в общежитии – он приехал в Москву с Дальнего Востока, – давно в курсе ее бурной жизни. И как-то не учла, что приятели не раз заявляли ему открытым текстом:

– Ты не будь, дружок, идиотом! Смазливых подстилок в своей жизни еще встретишь навалом. А Жанкины требования... Плюнь ты на них! Попахивает испорченной рыбой, упорно добивающейся, чтобы ее съели.

Насчет подстилок в своей жизни Виталик тоже не сомневался. А потому не спешил.

– Сын ведь у нас! – горделиво и слегка заискивающе сказала ему Жанна.

– Не мой! – ласково и мягко отозвался покладистый Виталик.

– А чей же? – немного растерялась Жанна.

– Тебе виднее, – скромно и добродушно заметил папаша.

И Жанна поняла, что поставила не на ту лошадку. Зря старалась. Без толку мучилась. Понапрасну рожала ребенка. Все впустую... А ведь она уже обнадежила ошеломленных поступком дочери родителей, что с минуты на минуту выйдет замуж и что у мальчика есть отец, который счастлив появлению на свет сына...

Но на другую лошадку ставить было поздно. Во-первых, с ребенком на руках не до скачек, во-вторых, весь институт наслышан о Жанкиных похождениях, а в-третьих... В-третьих, она внезапно осознала, что лучше мужа, чем этот мирный Виталик с его всегда детски распахнутым круглым взором, ей не найти. И нужно долбить в одну цель.

«Изменить я Бакейкина не изменю, – подумала Жанна, – поэтому постараюсь его использовать в личных целях». Это была неплохая идея, родившаяся в сообразительной головке.

Когда-то мать учила Жанну:

– Найдешь для себя мужчину, облюбуйешь его – и бей в одну точку! Обхаживай да выгуливай его возле своего дома. Прицельно! На других уже больше не смотри. Этот – и никакой другой! А как только он поймет, что он единственный для тебя...

– То моментально смоемся с концами! – весело заключила Жанна.

– Да ну! – с досадой махнула рукой мать. – При чем тут смоемся? И что у тебя за жаргон? Слушать противно!

– Не нравится – не слушай, – тотчас надерзила Жанна.

Она как раз в то время вышла из повиновения – уже училась на первом курсе. И ей нравилось ощущать себя свободной, как желтый воздушный шарик, вырвавшийся из руки зазевавшегося ребенка.

Мать нахмурилась. Стала резкой, недовольной. Всем нравятся лишь вежливые люди. И не важно, что они думают о тебе, эти вежливые, главное – как они с тобой говорят.

– Ты меня оборвала, дай мне договорить. Для мужчины самое важное – осознать свою единственность, неповторимость. И тогда на этом можно и нужно умело сыграть. Только не переиграй!

Жанна отмахнулась. В то время она уже жирно, раз и навсегда перечеркнула старые родительские правила. Мечтала о своих собственных. А вот потом, позже, когда родился Сева, вдруг вспомнила и осознала: а ведь, кажется, мать тогда, два года назад, была права... И срочно взяла материнский совет на вооружение.

Поскольку Жанна училась, по утрам с малышом сидела мать. Она не работала. А Жанна продолжала встречаться с Виталиком. Частенько вечерами навещалась к нему в общежитие. И полюбила повторять:

– Величайший подвиг – это материнство. А отец – всегда только случайность.

Все общежитские возмущались:

– Ты что, Виталик, неужели в нее втрескался?! Или не соображаешь вовсе? Зачем она тебе, эта пустозвонка?

Виталик молча, застенчиво улыбался.

И тогда Жанна отважилась на новый опрометчивый шаг – родила второго сына... Чтобы жизнь не оказалась упускаемой и даже упущенной возможностью.

Общежитие заклокотало и вспенилось, как неловко открытое шампанское. Родители Жанны были близки к инфаркту, но устояли. Они успели уже очень привязаться к Севочке, а оставить его на руках у этой мерзавки – как повторяла мать – нет, не дождется дочка такого!

Зато Жанна дождалась совсем другого. Приближалось распределение, грозное и страшное, вроде весеннего обвала в горах. Возвращаться на родной Дальний Восток к маме и папе Виталик Бакейкин не планировал даже в самом черновом и черном варианте, а у Жаннинных родителей имелась неплохая квартирешка на улице Вавилова в кирпичном доме. И Виталик сделал Жанне-пустозвонке долгожданное предложение. Потому что все приходит к тому, кто умеет ждать.

– Сдурел?! – дружно возопило все общежитие.

– Она мать моих детей, – с торжественной скромностью и некоторой патетикой объяснил свой рациональный поступок Виталик.

Глава 3

Сева рос странным мальчиком.

Когда ему исполнилось два года, мать стала твердить: если у тебя появится младший брат или сестра – надо с ним всем делиться. Все лучшее отдавать ему. Быть щедрым, а не эгоистом.

Сева хорошо усвоил материнское наставление и искренне решил его выполнить. Когда у него родился братец Коленька, Сева стал ему, грудному, отдавать свою еду: пирожки, картошку, кашу... Усердно кормил из ложки и удивлялся, почему братик усиленно крутит головкой, морщится и ничего не берет в рот. Капризный такой... Еще и орет...

Бабушка вовремя увидела эти кормежки и пресекла их раз и навсегда, но Сева сильно удивился: ведь он делал все в точности так, как его учила мать.

Учительница младших классов, в своей неизменной манере бури-урагана, сказала как-то детям:

– Надо думать о товарищах! На лбу у себя написать – «думай о товарищах»!

Родители думали, что Сева сделал это в качестве стеба, но он понял все буквально, несмышлениш еще... И послушался в прямом смысле. И написал – перед зеркалом... И продемонстрировал училке. Она почему-то громко ахнула и посмотрела на него странным долгим взглядом. Потом Севу отправили мыть лоб и даже зачем-то вызвали в школу родителей.

В общении со взрослыми Сева тоже себя не зарекомендовал с лучшей стороны. Взяла его как-то мать к себе в НИИ, мечтала похвалиться смышленным ребенком, а там мальчугана спросили, кого он больше любит: маму или папу. Как часто взрослые умы не способны ни на что оригинальное! И Сева честно ответил:

– Сосиски!

Мать дома ругала его целый вечер и даже называла хулиганом. Обыкновенная честность часто достаивается брани.

Так что отношения с родителями у Севы натянулись до предела с самого детства. Особенно с отцом, который часто злоупотреблял своей властью – «Домой – не позже десяти!» – чересчур ратовал за порядок и аккуратность во всем, диктуя и навязывая окружающим собственные вкусы. Тихий Виталик постепенно превращался в деспота.

– Маньяк, – злобно называл его позже Колька.

Дома Сева чувствовал себя одиноким, хотя это слово тогда еще было ему почти незнакомо. А одиночество детства не столько подталкивает к раздумьям, сколько тянет прочь от этого мира, к мечтаниям о любви – тоже слово неясное – и смутным грезам. И Всеволод осторожно начал складывать свои мысли в строчки.

Отца раздражали и длинные волосы Севы – а ему, юному поэту, начавшему писать стихи в двенадцать лет, нравилось ходить именно так. Бесила Виталия и манера Севы общаться с друзьями – а они всегда встречались бурно и громко. И долгие разговоры сына по телефону... Хотя Севиными успехами в школе можно и нужно было только гордиться – мальчик учился на одни пятерки.

Отец всю жизнь искал какие-то отвлеченные, далекие от действительности совершенства и не замечал совершенств возле себя. Почему всем постоянно хочется недостижимого?..

Затем он объявил, что телевизор мешает сыновьям заниматься, мать с ним согласилась – вот где вылезли родительские уроки и наставления по поводу одного-единственного мужчины, которому прекословить не могли! И телевизор братьям смотреть запретили. А чтобы они все-таки самовольно не включали его, вернувшись из школы, в то время, когда находились дома одни, Виталий что-то там выкрутил из «ящика». Сам он и Жанна к телевизору оставались совершенно равнодушными.

Тогда отлученные от голубого экрана братья дружно обиделись, возмутились и стали ездить смотреть телевизор к бабушке и деду, родителям Жанны, в Бибирево.

В то время старые и молодые уже разъехались и жили отдельно, чему все были очень рады – совместной идиллии не получилось. Зато теперь братики могли распоряжаться жизнью по-своему.

– Как тебе не стыдно! – позвонила Жанна матери. – Ты зачем приманиваешь мальчишек?

– Да ты что говоришь?! – вполне справедливо оскорбилась мать. – Это мои внуки! Я что, по-твоему, не должна их принимать?! Закрывать дверь перед их носом? Да я Севочку вырастила, вынянчила! Что бы ты делала без моей помощи, негодяйка?! – И мать всхлипнула.

– А-а, начались упреки и слезы! – закричала в ответ Жанна. – На совесть бьешь? На жалость? Хорошие приемчики! Излюбленные старшими! Вы прямо без них никуда!

Между родителями и бабушкой с дедом развернулось длительное сражение за братьев. Ни проигравших, ни победивших в нем не оказалось – все остались при своих.

Мать была человеком очень здоровым – один раз в жизни переболела трахеитом, зато потом долго его вспоминала.

– Помнишь мой жуткий трахеит? – часто печально говорила она отцу. – Как я тогда долго кашляла... Наверное, полгода, не меньше.

– Как же, как же... – покладисто отзывался он.

Его терзали по очереди или коллективно язва, тяжелый парадонтоз, аллергия и радикулит, обостряющийся при каждой смене погоды. А поскольку она менялась постоянно...

Сева понимал, что отца надо бы жалеть, но никак не получалось.

И дом, родной и единственный, казался ему в высшей степени странным. Бакейкины-старшие сильно недолюбливали новшества, не жаловали никакую технику и относились к ней с большим подозрением, что непонятно для инженеров. Но родители считали прогресс очень вредным, он почему-то не сумел коснуться их равнодушных, сонных и боязливых душ и ничем не привлек. Сколько бед, например, приносят машины и лифты, часто повторяла мать. От них несчастья, болезни и ложные амбиции: у кого есть «жигули», у кого – нет. А телефон? Это вообще страшное для человечества открытие – только отвлекает от дел. И не стоит забывать о нервной системе, которая рвется в лоскуты, если начинают барахлить те же самые холодильник, стиралка, телик... Попробуйте их починить да подискутировать с мастерами! Особо в гарантийной мастерской.

Так что если телевизора в доме нет – это отлично, и стиральная машина – тоже изобретение опасное. Мать наотрез отказывалась покупать даже самую примитивную стиралку. Белье кипятила в баке с помощью мужа и сыновей. Хотя, кроме всех прочих неудобств, это кипячение в баке было тоже не слишком безопасным. Но переубедить мать не сумел бы никто.

И так все себе шло и ехало, пока Коленька, уже девятиклассник, любимец матери, неожиданно четко и вслух, прямо-таки во всеуслышание, не сформулировал свое жизненное кредо – он никогда и ни в чем не будет походить на отца! То есть не будет курить, носить бороду и жить от полочки до полочки.

Если два первых условия могли показаться смешными и детскими, то последнее...

– Материалист, – усмехнулся отец.

Но как это ни странно, все три обещания молодости оказались выполненными – Николай шел к победе твердо и жестко.

Решив зарабатывать деньги, он стал продавать газеты и книги, заработав за одно лето столько, сколько мама-инженер не зарабатывала за год. В сентябре, когда начались занятия в школе, Коля нашел другое дело: стал разрисовывать матрешек и получал определенный процент от продажи этого популярнейшего, хотя и несколько поднадоевшего русского сувенира. Продажей занимались другие ребята, постарше, то есть Коля уже вступил в некую негласную и

незарегистрированную фирму, где строго и неукоснительно делились обязанности и соответственно доходы.

А доходы румяные щекастые матрешки приносили немалые: у Коли появились собственные свободные деньги, которые он мог тратить по своему усмотрению. Позже он начал понемногу откладывать на будущее и стыдиться своих родителей. Да, его унижали лоснящиеся брюки отца и штопаная единственная кофта матери. И он не скрывал этого.

В десятом классе Коля уехал на зимние каникулы с девушкой-одноклассницей в Прибалтику, где у него появились близкие знакомые по матрешкиному бизнесу.

Поездка с девушкой повергла в ужас отца и немного шокировала мать, которая, впрочем, в отличие от мужа, сумела отнестись к происходящим событиям с юмором и пониманием.

Но после зимних каникул скандал в доме разгорелся не на шутку, и Коля переехал сначала к бабушке, а потом к своей девушке.

Теперь Коля занимался бизнесом покрупнее, хотя любимых матрешек не бросил. Ни отец, ни мать давно уже не были в курсе личных дел младшего сына. Им сложно стало его понять, и они махнули на него рукой. Пусть живет как хочет... А он и жил. Бросил институт – а зачем он ему? Преуспевал, ездил на иномарке... И время от времени навещал родителей и приносил в родной дом деньги. Довольно приличные суммы. Николай вырос с мыслью, что всегда должен быть первым. Семейная черта, реализовавшаяся лишь у него одного.

Совсем недавно такого просто не могло быть: сын почти содержал родителей! А теперь запросто. Богатый и успешный сын, кстати, некурящий и безбородый.

– Яблочко, которое упало слишком далеко, – горько повторял отец. – Да и Севка тоже. Этот вообще не поймешь, чего хочет. Чем живет, о чем думает... Филфак, стихи... У Николая хотя бы все ясно.

– Ну да, ясно! – иронизировала мать. – Жизнь ради денег! Это ужасно! Ты и сам так считаешь.

– Считаю, – соглашался отец. – А Колька считает ужасным другое – нашу латаную одежду.

Пути детей казались родителям слишком извилистыми и непростыми, цели – низкими, а характеры сыновей – изломанными. Хотя судить стоит по результату и всегда делать поправочный коэффициент на время, которое каждый раз – другое... Как бы люди ни сопротивлялись порой этой несложной мысли.

Глава 4

Через месяц после встречи с Катей, вернувшись вечером с работы, Сева застал у себя в гостях незнакомую цыганку. Привела ее Катя или она пришла сама, осталось неизвестным.

– Сестра, – коротко сказала Катя о незнакомке.

Переговариваясь по-своему, громко и весело, женщины отправились вслед за Севой на кухню и не спеша съели все, что он принес. Катя была оживленная, радостная, и Сева с чувством вины и раскаяния подумал, что ей, наверное, скучно сидеть без него целыми днями в пустой квартире и смотреть телевизор.

Сестра осталась ночевать. Спать она легла на полу в кухне. Сева беспокоился, что ей холодно и неудобно, и жалел, что в доме нет лишнего матраса. В ответ на его беспокойство Катя только равнодушно пожала плечами.

Цыганка прожила несколько дней. К концу недели Сева с грустью понял, что на его зарплату сотрудника бедствующего журнала жить втроем не так уж просто.

В воскресенье в гости пришла еще одна цыганка, постарше и поплотнее.

– Сестра, – так же лаконично дoloжила Катя.

Новая родственница вела себя совсем иначе: телевизор она игнорировала, внимательно осматривала Севины вещи и посуду, а утром попросила тряпку побольше. Сева расцвел: наконец хоть кто-то приберет квартиру. Но ничего мыть цыганка не стала, а постелила тряпку в кухне на полу, где теперь спали две сестры. Полной цыганке явноглянулась Севина квартира.

– Денег нет? – переговорив о чем-то с Катей и проницательно посмотрев Севе в лицо, спросила вторая сестра вечером. – Помочь тебе могу: гадать буду вот тут, на кухне. Люди ходить начнут, деньги платить. Часть тебе с Катей пойдет. Да и она помогать мне станет. Большие деньги заработать можно. Согласен?

Сева удивился:

– А где же я буду работать?

Цыганка критически, с нескрываемым презрением осмотрела Севу с ног до головы и откровенно заметила:

– Что толку с такой работы? Моя работа – деньги, твоя – тьфу!

И выразительно плюнула.

Это было оскорбительно, и Сева обиделся, но правду приходилось признать.

– В общем, вы правы, – через силу пробормотал он. – Конечно, это отчасти справедливо...

Вдруг Катя пронзительно заголосила, запричитала по-своему и злобно бросилась к толстухе, отчаянно тряся кулачками и непрерывно приговаривая одно и то же.

– Тьфу, бешеная! – сказала по-русски сестра и снова плюнула. – Как была всегда бешеной, так и осталась! Ну и подышайте тут с голоду, тьфу!

Гадание отменилось.

Катя шептала Севе тихими ночами:

– Это ничего, они уйдут скоро... Им недолго нужно пожить, это ничего...

Сева верил.

Но еще через несколько дней в квартире появился высокий цыган. Он топал по полу, не снимая ботинок, хлопал Севу по плечу и кричал Кате:

– Молодец, мужа какого выбрала! Ничего, что маленький, зато ясноглазый! А я думаю, дай зайду посмотрю, какой у тебя муж!

– Брат, – спокойно объяснила Севе Катя.

Сева с ужасом догадался, наконец, что все цыгане – братья и сестры и что кормить с каждым днем растущее их семейство уже завтра будет не на что. Он позвонил Николаю. Тот

давно привык к таким робким, ничего не значащим, на первый взгляд беспричинным звоночкам родных, что означало одно – нет денег.

– В займы дать? – тотчас с ходу догадался Николай.

Однако на сегодня случай был не столь примитивным. Сначала требовалось услышать довольно длинный и бессвязный рассказ поэта. Именно родственники до сих пор оставались не в курсе его душещипательной истории.

Николай выслушал братское повествование внимательно, не прерывая, и деловито посоветовал:

– Гони в шею! Пока они у тебя все оставшееся не выпыгали!

– А Катя? – спросил Сева.

– Что – Катя? – не понял Николай. – Никуда твоя Катя не денется! И далась тебе эта девка! Небось за все это время голову ни разу не вымыла.

Николай был абсолютно прав.

Утром Сева обнаружил исчезновение своего любимого синего галстука.

– Брат надел, – серьезно объяснила Катя. – Нужно ему, понимаешь, к девушке пошел.

Сева все понял и промолчал. Галстук к вечеру вернулся на место, зато пропали два больших махровых полотенца и сервизная чашка с блюдцем. Сева заранее знал, что скажет Катя. Понимать уже надоело.

– Сестра взяла, – бесстрастно доложила она. – Ой, как нужно было! Очень нужно, понимаешь?

Чашка и полотенца больше не появились. Потом постепенно начали бесследно исчезать простыни, ложки, ножи, статуэтки, кастрюли... Растворился прекрасный немецкий свитер, подарок Николая, через неделю Сева недосчитался носков... Отдавать долги было нечем. Катя слушать ничего не хотела и твердила только свое, что «было очень нужно» и «все принесут обратно». Николай философски меланхолично объяснил Севе по телефону, что любая страсть разорительна.

Еще через неделю, в субботу утром, Сева открыл дверь на звонок и замер. На пороге стоял незнакомый бородатый цыган лет сорока.

– Брат! – неожиданно закричала Катя и с визгом повисла у пришельца на шее, болтая грязными ногами.

Сева аккуратно завернул в последнюю чистую простыню самое дорогое, что у него было, – ноутбук – и поехал с ним вместе к Николаю. Цыгане не обратили на его уход никакого внимания: они громко галдели на кухне.

Незадолго до встречи брата с цыганкой Катей Николай обзавелся о-очень приличной квартиркой в самом сердце Москвы, поменял десятка два любимых женщин и жил в одиночку. Старым холостяком, как он любил говаривать.

Сева вошел в подъезд и был тотчас задержан суровым консьержем:

– Вы к кому?

– Бакейкин я... – смущенно повинился Сева. – Брат... Старший... – и вытащил паспорт. На всякий случай.

Сева не любил никаких властей и их законно побаивался. Особенно властей маленьких, поместных, которые всегда становились безудержными и безоглядными, как русские поля, в своем желании прочно, навеки утвердиться на этой земле.

– Бакейкин? – недоверчиво протянул консьерж и внимательным образом изучил основной документ Севы. – И верно, Бакейкин... Ну, ступай, раз Бакейкин... Дома Николай Витальевич. Шестой этаж.

– Я знаю, – сказал Сева, пряча паспорт в карман.

Выйдя из лифта, Сева остановился и прислушался. Брат действительно сидел дома – слышались звуки пианино.

Николай, когда бывал дома – а бывал он там нечасто, – любил сам для себя играть на пианино. Мать, обожая Коленку, отдала его в музыкальную школу, которую тот благополучно окончил.

Открыв брату, Николай тотчас захохотал:

– Нет в жизни звука более захватывающего, чем вечерний неожиданный звонок в дверь. Выгнала тебя твоя цыганская любовь? Выставила из твоего законного дома? Молодец баба! Уважаю! А ситуация у тебя теперь патовая... Экзотика! «Как упоительны в России вечера...» Не находишь?

Сева махнул рукой.

Два дня братья жили душа в душу. Жил здесь, правда, один Сева. Он тюкал на компьютере, сочиняя стихи и наслаждаясь покоем. Принтер то и дело засасывал новый листик.

А зима затем и приходит,
Чтобы силам дать понабраться,
Чтобы мыслям дать отмолчаться,
Чтобы чувствам дать отстояться,
А весной им родиться заново.
Приходящее пусть уходит
По весеннему половодью.
Настоящее пусть останется.
А зима затем и приходит,
Чтоб обдумать весну и лето.
А то что-то нам все некогда...
А то что-то все мы заняты...

Николай мотался где-то по матрешкиным делам. Приезжал поздно и похохатывал:

– Даешь стране угля? Я не встречал пока никого, кто умел бы лучше тебя поставить на место все запятые.

Через три дня Николай посадил брата напротив себя и сказал:

– Значит, так...

План Николая был гениален и прост. Он уже не первый год еженедельно качался в фитнес-клубе, а потому выглядел как настоящий атлет – самбист или штангист. Сева приведет его к себе, произнесет роковое: «Брат мой Колька!» – и оставит в квартире. Остальное доделает Николай. В плане не усматривалось ни малейшего просчета.

Глава 5

Когда Сева с братом приехали в Бибирево, цыгане точно так же галдели на кухне. Очевидно, последние несколько дней они посвятили именно этому занятию.

Первым делом Николай заявил, что спать на кухне гостям из табора больше не придется, потому что здесь будет спать он, а в комнате – он удивленно хмыкнул – в комнате ведь молодые!

– Кто станет мешать сестре наслаждаться с молодым мужем?! – патетически воскликнул Колька.

Сева никогда не подозревал за ним таких способностей.

Затем Николай быстренько и ловко вымыл на кухне пол и заставил Катиных «братьев» снять ботинки. Потом он заявил, что у него отпуск и поэтому днем из дома пусть все выметаются начисто: он намерен тренироваться. Из саквояжа Николай достал две гантели, эспандер и боксерскую грушу. И огромный пакет с продуктами. Грушу Николай мгновенно повесил в коридорчике и начал плясать и прыгать вокруг нее, иногда громко вскрикивая «Ух!» и «Эх!».

Цыгане замолчали.

– Братья уходят, – прошелестела Катя и хмуро опустила ресницы. – Им нужно уйти!

– Раз нужно, пусть идут, Катенька! Это не вопрос, – бодро ответил Сева и поставил на стол уставший от переездов ноутбук. – А я поработаю!

– Угу! – отозвался из кухни Николай. – Ситуация шаховая... Пойду брошу кости. Ночь на дворе...

Сестры проспали всю ночь в коридорчике, а Николай без конца вставал и ходил в совмещенный санузел, перешагивая через них, громко топал, печально вздыхал и трубно сморкался, изображая хронический гайморит. В шесть утра младший Бакейкин вскочил, врубил на всю мощь привезенную с собой магнитулу и распахнул настежь окно. Сырой холодный воздух быстро просквозил маленькую квартиру. Стояла такая желтая-желтая, шуршащая и тихо падающая на землю осень.

Николай присел на кухне, вскрикивая «Эх!» и «Ух!», грел чудом уцелевший чайник, а потом очень неплохо запел, подпевая Долиной: «Важней всего погода в доме...»

Катя лежала молча и неподвижно, как прибитая гвоздями, и внимательно изучала потолок. Сева поднялся и пошел пить чай с Николаем.

К вечеру «сестрам» тоже понадобилось уйти. Проводив их, Катя вернулась в комнату и стала собирать свои платки и юбки, без конца их роняя. За это время их у нее набралось немало: Сева баловал Катю.

– А ты куда? – спросил он ее довольно равнодушно.

Сева устал, и его сейчас не слишком заботило, что будет.

– Мне тоже... нужно, – еле слышно ответила Катя.

– Ну куда ты пойдешь? С ними? Ты же можешь остаться! Это не вопрос... Только не надо без конца приводить своих многочисленных родственников, – рассеянно сказал Сева.

Катя стояла посреди комнаты неловко, словно боялась, неудачно шевельнувшись, нечаянно потерять наброшенный на плечи шелковый платок.

– Они все вернут, – повторила привычное Катя. – Им было очень нужно...

– Да ладно, Катюша! – махнул рукой Сева. – Вещи – тлен! Так ты остаешься или нет?

Катя покачала головой. Николай в дверях за ее спиной сделал круглые глаза, выразительно покрутил пальцем у виска и укоризненно взглянул на Севу.

– Иди, иди, Катерина, – деловито сказал он. – Севке работать нужно, стихи он пишет, усвоила? А вы ему не даете! Это серьезная работа, тишины требует. За его труд я брата уважаю безмерно. – И запел: – «Не обещайте деве юной...»

Катя согласно кивнула, уставясь в пол, – зачем обещать лишнее? – надела туфли и ушла.

Еще неделю Николай верно сторожил брата, боясь возвращения цыганского табора. Сева в восторге писал вечер за вечером. В квартире не орал телевизор, полы были чистые, в кухне не валялись грязные тряпки – Николай выбросил все на помойку.

Вечерами он взялся рассказывать брату о своем житье– бытие. А оно у него оказалось – не позавидуешь.

– Дома я совсем не живу, Всеволод. Сам знаешь. Нету у меня дома. Потому что одна работа у меня каждый день заканчивается в шесть вечера, а другая – подработка – каждый день в шесть вечера начинается. Еще в фитнес– клуб надо наведаться. Так что домой я возвращаюсь никак не раньше двенадцати. Один выходной в неделю. Но – ты сам понимаешь – я весь этот выходной никуда не хожу, а лежу пластом и никак отдышаться не могу, только иногда телевизор успеваю посмотреть. Лежа.

– А вообще, к чему такая жизнь? Стоит ли овчинка выделки? – наконец отважился спросить Сева. – Деньги? Но когда ты их будешь тратить, если на это у тебя нет даже времени? И семьи у тебя нет. Так ради чего все это?

– Значит, так... Дочь у меня... – бухнул Николай.

– Ну да?! – едва не лишился дара речи Сева. – Вот сюрприз... А где же она?

– Да где... – Брат повертел в пальцах нож. Сидели на кухне. – Живет со своей матерью. Родилась как-то между делами... Я и не заметил. Тут как раз партию крутых матрешек продавал. А она – бац! – и родилась! Усвоил? Ситуация матовая...

Николай удивленно хмыкнул, словно не мог понять, как дети рождаются.

Сева неловко засмеялся, постепенно приходя в себя от неожиданного известия о племяннице.

– А чего не женишься?

– Ты прямо вроде этой девки, что родила! Пусть застрелится! Чтобы я – и женился?! Не! «Не обещайте деве юной...» И вообще никому никогда ничего не обещайте. Закон рынка! Как-то раз я пришел домой сильно пьяный, сразу бухнулся на диван и вырубился. Не заметив по пьяни, что лег не так – диван разобрал лишь наполовину. Ночью просыпался пару раз от какого-то неудобства, но был так пьян, что не чувствовал толком боли, не мог проснуться до конца, тут же засыпал опять, не соображая, в чем дело. Только утром, проспавшись, обнаружил, что у меня вся морда ободрана до крови – попал лицом на деревянные выступы дивана. После этого – завязал! Пью одно лишь легкое вино, водку в рот вообще не беру. Как отрезало!

Сева встал:

– Я кофе сварю...

– Опять?! – застонал Николай. – Да ненавижу я его, твой кофе! Запах только хороший.

– Прости, снова забыл, – повиноватился Сева.

Давняя неприязнь Бакейкина-младшего к кофе была настолько загадочна и необъяснима, что постоянно забывалась.

Николай всегда и на всех производил неизгладимо приятное впечатление. Выправка и бицепсы военного, характер – завидный. Удивительно вежлив, но только на людях, никогда голоса не повысит – все одни лишь «спасибо» да «пожалуйста», «добрый день» да «извините». Ни малейшей разнузданности в манерах. На близких это не распространялось. Правда, в последнее время Сева все чаще и чаще стал ловить презрительные взгляды, которые Николай бросал вокруг. Пробовал их скрывать, но это уже плохо получалось. Кроме того, брат всегда оставался редкостным педантом, при всей обходительности и приветливости – сух, холодноват, и общался как бы «до сих пор», «до пиджака». Даже замкнут. Эта его подчеркнутая манерность, откровенный педантизм – он места себе не находил, если хоть одна книга в квартире стояла не там, где заведено! Патологическая аккуратность Николая даже мать порой выводила из себя, не говоря уж об остальных.

– Бабы! – нередко повторял с отвращением Николай и брезгливо морщился. – Это же кошмар... От них один только беспорядок, тряпки кругом, помада, духи... А дети! Это еще страшнее: игрушки, разрисованные обои, вопли по ночам... Не! Такого не надо! И потом мужику надоедает всякая женщина, если только ее не пытаются у него отобрать. А сразу рассчитывать на соперника... Я еще не совсем идиот.

Сева нередко ловил себя на нехорошей мысли – Николаю есть что скрывать. И вот, пожалуйста, дочь.

– Надо бы маме показать внучку, – озабоченно сказал Сева.

– Пусть застрелится! – холодно посоветовал Николай. – Наша мамочка Жанна... Ты обращал внимание, как она моложава? Прямо подозрительно... Но как показывает жизнь, это не обязательно хороший симптом и вовсе не следствие гармонии. Моложавость сомнительна. Она часто бывает признаком оккультного расстройства, проявляющегося в форме гипнотизма, усвоил? У человека тогда заметна некая постоянная и невольная «окаменелость» лица. В точности как у нашей маменьки. У нее просто нет мимики, замечал? Каменное выражение. А потому нет и морщин. Откуда им взяться, если все черты затвердели? Еще такие расстройства по духовно-физиологическому закону связаны с гипервентиляцией легких, что тоже молодит человека. Зато малость выпучиваются глаза и увеличиваются «летучие вещества». Неслучайно во всех сказках и легендах вампиры выглядят моложе своих лет. Так что бывает моложавость со знаком «минус». И это как раз серьезное указание, что человеку следует задуматься о душе. Возможно, наша мамулечка – тому пример.

– Ну ладно. – Сева решил прервать философские рассуждения Николая. Брат забрался слишком глубоко. – А что там у тебя происходит в офисе?

Николай сразу оживился.

– Я для него купил недавно пресноводную черепаху, поселил в специальный аквариум с подсветкой и с камушками, на которые она может вылезать, – похвастался брат. – Кормлю теперь, да ее все кормят. Такое живое украшение офиса, прямо член коллектива, всех умиляет. Назвали черепаху Гертрудой. А коллега принес вторую. По имени Хулик.

– Значит, они разнополые?

– Не! Хотя я сам не знаю, кто они там по полу – что первая, что вторая. Черепаший пол якобы определяют по когтям и хвосту, а я не биолог и не могу таких тонкостей распознать.

– А почему же вы дали им разные имена?

– Да просто так. Чтобы звучали по-разному. Но вполне возможно, что они оба мужики или обе бабы, а может, и вообще Гертруда – самец, а Хулик – самка, кто их разберет... Все условно в этом черепашьем мире. Впрочем, в нашем тоже.

Сева задумался.

– Но если они разного пола, то могут отложить вам яйца в аквариуме и дать потомство.

– А пускай! Даже интересно будет. Я уж найду, куда потомство пристроить. Одну черепаху дочке подарю.

– А офис по-гречески значит «змея», – сообщил Сева.

– Да? Забавно... Квартину эту свою я купил в кредит. И мне надо срочно его отработать. А ты – дочь... Я даже обдумываю, не начать ли «бомбить» вечерами.

Сева снова изумился:

– Неужели тебе не хватает денег?

– Большие запросы, – буркнул Николай. – При таких никогда ничего не хватает. Усвоил? Но «бомбить», с другой стороны, – очень большой расход на бензин, а потом...

Мало ли кто к тебе подсядет... Потому я пока размышляю – думаю, без «бомбилочки» жизнь все-таки безопаснее. И без дочери тоже.

Сева вздохнул:

– А я бы хотел иметь дочь...

– Так заведи. – Николай нарезал яблоко на мелкие кусочки и стал увлеченно жевать. – Пара пустяков... Но я уже всех вас содержать не смогу, усвоил?

– Ну что ты... – покраснел Сева. – Просто... Как без любви-то?

Николай махнул рукой.

– Да если бы все дети на земле рождались исключительно по любви, земля бы давно обезлюдела. Всеволод, а на кой ляд тебе стихи? Никогда не мог въехать в эту ситуацию.

– Ну как же... – растерянно пробормотал Сева, не готовый к подобному вопросу. – Само-выражение...

Николай ехидно прищурился:

– Чего говоришь? Вот будешь выражаться, выражаться и довыражаешься... Выразишься, наконец, с такой полностью и определенностью, что ой-ой-ой... По-моему, слова опасны. Ты, орудующий словами, должен знать, что можно привести в движение огромные и страшные силы, если дать свободу двойственности слов: то, что нравится одному человеку, может смертельно ранить другого.

– Это опять философия, и она касается больших талантов, а не меня, – махнул рукой Сева.

– Это касается всех нас, которые много и без толку болтают, – отозвался Николай. – Кстати, Всеволод, ты усвой – цыгане нынче наркотой пробавляются. Самые ее активные продавцы. Так что поостерегись на будущее влюбляться в мамзлек, у которых красный верх – синий низ. Ладно... Дела у меня серьезные запланированы. Больше не могу с тобой тут прохлаждаться. Я недавно в аварию попал, кувыркком полетел в кювет. Сам отделался ушибами, но машина помялась. Пока нашел ментов, то да се... Пришли уже группой машину вытаскивать. Она лежит себе на том же месте в кювете, изуродованная и перевернутая, и в ней вроде ничего не изменилось. Кроме одного – бесследно исчезла магнитола. Ее вывинтили из «гнезда», как в аварии не пострадавшую. Успели. Вот как мысль у ворья работает – чтобы ухватить даже из помятой машины! Так что теперь мне надо машину привести в должный вид. Или купить новую. Но будет нужно – зови! Только не затягивай с этим делом. Кто-то явится – звони сразу, я мигом приеду. – И меланхолично запел: – «Как упоительны в России вечера...»

Но никто не явился.

Глава 6

Ночью Севе приснился странный сон. Странный своей неожиданностью. Рядом с ним спала жена в какой-то бесформенной мятой размахайке, спала и сопела, словно все так и должно быть. Сева изумился: откуда это прекрасное видение? Он лежал, задумчиво-изучающе смотрел в потолок и размышлял: откуда, откуда?.. Ах да, это ведь та самая Ольга, обожающая рестораны... И вдруг в тишине услышал, как четко хлопает носом в соседней комнате их восьмилетняя дочь Женька.

Сева сразу все забыл. Единственное существо на свете, которое он любил, хлопало носом, а это грозило гриппом, осложнением, аденоидами, миндалинами, ревмокардитом... Дальше думать Сева побоялся и встал.

– Ты куда? – спросила жена.

– Сейчас... – неопределенно сказал он и поплелся на кухню.

Зажег свет и увидел привычно-надоевшую картинку: весело шныряющих возле мойки тараканов, грязные, не вымытые женой с вечера тарелки, неубранный хлеб и закапанную чаем клеенку. Сева отломил горбушку и посмотрел на часы. Стрелки застыли на четверти третьего.

– Я думаю, Оля, что тебе нужно взять бюллетень. Женю в школу пускать нельзя, – неуверенно сказал Сева, заглянув в спальню.

Оля безмятежно спала.

Сева вздохнул, сжевал черствую горбушку и пошел к Женьке. Она внешне повторила Бакейкина с такой точностью, что иногда он пугался. На него смотрели его же собственные запавшие вылинявшие глаза, она точно так же стояла и двигалась, крохотная, бледная, уже сейчас сутулая – настоящий маленький Бакейкин, который целый день сидит, сгорбившись, нога на ногу, в издательстве. Даже при своем росте метр шестьдесят пять он не мог выпрямиться, вытянуться во весь рост, его постоянно придавливало что-то к земле, гнуло, тяготило. Что? Он не задумывался об этом. Им легко и просто управляли те, кто умело и ловко захватил в свои пальчики невидимые ниточки, которые в нужный момент можно натянуть до предела.

Ольга.

Когда-то она пленила Севу тем, что с удивительной искренностью и непосредственностью часами, непрерывно, постоянно, надо и не надо, восхищалась Севой и его стихами, неподдельно сострадая, всюду рассказывала о его подвижническом каторжном труде в издательстве (он теперь работал там) и его бесконечных мучениях с тяжелыми, упрямыми авторами.

Она ужасалась и восторгалась бурно, энергично и по–настоящему талантливо. Мужчины покупаются лестью быстрее женщин, потому что плохо владеют этим оружием. Сева исключением не был. Немного позже он понял, что Ольга не знает меры ни в чем и говорит всегда так много, оживленно и напористо, что ни возразить, ни просто поговорить с ней невозможно. Тогда Сева сдался, замолчал и навсегда смирился со своим подчиненным положением.

Сон, великий драматург, четко строил свой таинственный сценарий, то уходя в прошлое, то убегая вперед.

Ольга умела выбить любую командировку за границу, хитро орудя маркой частного издательства, где работал Бакейкин. Опираясь на то же издательство, она устраивала дочку в спецшколу и находила необыкновенных экстрасенсов и врачей. Проведя возле нее один вечер, многие начинали жалеть Всеволода.

Была еще заведующая редакцией.

Она подчинила Бакейкина не столько избытком энергии, как Ольга, а удивительной волей, несгибаемой ни при каких обстоятельствах. Заведующая, наоборот, не говорила совсем (этого делать она просто не умела), а только отдавала распоряжения. Возможно, она считала,

что повелевать – единственная обязанность начальства. Сева и на работе больше молчал – он пытался угодить.

От одних требований – на работе – он уходил к другим требованиям – домой, а наутро возвращался в издательство... Скрюченный, хлипкий, жалкий, плелся он от школы, куда отводил Женьку, на работу. Те полчаса, что он проводил утром с дочкой, сжимая в руке маленькую ладошку, были лучшими в его жизни. Кажется, он даже распрямлялся чуть-чуть в эти минуты. Но взглядывал на дочь и снова бессильно съеживался: Женька сутулилась, горбилась, шаркала ногами... Что тяготило ее в восемь лет, почему она с такой страшной точностью повторила отца, его неумение стоять и ходить прямо?

Авторы его терпеть не могли. Самым большим наслаждением Бакейкина было найти в рукописи ошибку: запятую, поставленную не на своем месте, стилистический ляп или фактическую неточность. И тогда на полях рукописи появлялись размышления о характере ошибки и ее месте и значении в творчестве данного автора. Сева любил писать на полях много, подробно. Это стало его методом общения, потому что спорить с авторами он боялся – они тоже давили его. Глаза у Севы испуганно разбегались, не сосредотачиваясь на собеседнике, словно он безнадежно косил. Кто-то из авторов прозвал его Обмылком – прозвище понравилось и осталось. Всеволод это знал и не обращал внимания. Он жил по инерции, не обремененный никакими стремлениями, усилиями и обидами. Только весной его очень мучила язва – отцовское наследство.

Правда, одно незаявленное желание все-таки существовало: как можно дольше просидеть вечером возле Женьки в тишине, без Ольгиного уверенного голоса, без ее напоминаний и бесконечных рассказов. Но даже мечтать об этом было роскошью, которую Бакейкин себе позволить не мог.

Ольга спала. Сева сидел в тишине возле Женьки и ни о чем не думал. Его блаженство оборвалось негодующим возгласом:

– Всеволод, ты что же делаешь? Тебе нельзя всю ночь не спать!

Женька завопилась в кровати и энергичнее зашмыгала носом.

Потом Сева вел ее за руку в школу, с беспокойством оглядывая маленькую понурую фигурку. Ольга решила, что сегодня Женя в школу пойти может: температуры нет.

В коридоре издательства Бакейкина остановил знакомый:

– Севка, привет! Почему я давно нигде не читал тебя? Ты что, совсем ничего не пишешь?

– Нет, понимаешь, – пробормотал Бакейкин. – Не пишу... Не знаю, о чем писать, совсем нет никаких тем...

И боком, неуклюже, ударившись о косяк, скрылся в своей комнате.

И сразу проснулся.

Катя, подумал он. Только Катя...

Звонок сотового оторвал Николая от важных дел. Он как раз придумывал оригинальный метод, чтобы толкнуть партию матрешек, послушно раздевающихся по первому взгляду клиента. Матрешкин стриптиз занимал Николая всерьез, поскольку сулил немалые барыши.

Но мобилка надрылась, и Николай нехотя вытащил ее из кармана. И услышал тревожный голос брата.

– Ты чего такой взбаламученный? – рассеянно спросил Николай. – Катка твоя опять дала стране угля и вдругорядь нагрязнула?

– Я без нее скучаю! – признался Сева.

– Не! Это не без нее. Это без работы, – объяснил умудренный жизнью Николай. – А вообще человек очень часто совершенно не готов к чувствам, выпадающим на его долю. Усвоил? Займись делом – и жизнь сразу прояснится и просветлеет. И в голове заодно. И в карманах тоже.

– Дело – это что? – взвился Сева. – Это торговля?! И что бы я мог продавать?!

– Да что угодно, – равнодушно обронил Николай. – У тебя все равно ситуация аховая. Извини, у меня тут матре–печные дела... Я тебе перезвоню позже.

Он не перезвонил, наверное, забыл, а вечером... Вечером в дверь позвонили. Сева открыл и замер. Черная коса и красная юбка...

– Катя... – прошептал он.

– Брат просил... – не поднимая глаз, сказала она свое привычное. – Вот этот пакет... Тебе передать... Ты не бойся, там ничего нет опасного. – Она неуверенно заглянула Севе в лицо. Глаза-костерки... – А он за ним зайдет. Дня через два.

Сева махнул рукой.

– Ты думаешь, я тебе совсем верить перестал? Это неправда! Просто... – Он замолчал.

– Я понимаю... – Катя вновь опустила карие бездонные глаза. – Тебе работать надо, стихи писать... А где твой брат? – И она зорко глянула в глубь квартиры.

– Уехал, – объяснил честный Сева. – А ты не зайдешь? Я тебе телевизор включу, на каждом канале – сериалы... Без конца про любовь... Чаю попьем... У меня конфеты где–то завалились...

Он видел: Катя колеблется. И хочется ей остаться, ну хотя бы войти, но что-то мешает. И это «что-то» имеет непреодолимую силу закона.

– Нет... Пойду я... – Катя наконец созрела для ответа–решения. – Брат на днях зайдет. За пакетом. Не забудь!

И она пошла вниз по лестнице.

Сева грустно посмотрел ей вслед, взвесил на руке пакет – довольно легкий. Интересно, что там в нем? И закрыл дверь.

Пакет он бросил куда-то в угол передней и забыл о нем. Стихи творились сами собой, приходили, словно с осенним ветром, прилетающим из открытого окна и тихонько, нежно высвистывающим над ухом нечто джазовое.

Назавтра позвонил Николай. Услышал довольный, почти счастливый голос брата.

– Никак медведь в тайге сдох! Чего это ты такой обалдевший?

И Сева моментально выложил все о визите Кати. Только о пакете почему-то умолчал. Просто сказал, что заходила. Но в квартиру не вошла.

– «Как упоительны в России вечера...» – промурлыкал Николай с вкрадчивой интонацией следователя по особо важным делам. – А чего она хотела?

– Не знаю... – упавшим голосом отозвался Сева. – Не сказала...

– Врешь, знаешь! Севка, не темни! – Николай хорошо изучил своего домашнего поэта.

– Про брата говорила... Что зайдет...

– Чего?! – заорал Николай. – Я еду к тебе!

Он снова караулил Севу неделю, забросив свой матрешечный бизнес, но опять никто не явился. И немного успокоившийся Николай вновь уехал по матрешкиным делам.

– Ты лучше плети свои вирши! Про слезы и розы, – посоветовал он напоследок. – Давай стране угля!

Едва он выехал со двора, в дверь позвонили. Видно, поджидали его отъезда.

И перед Севиными глазами возник Катин «брат», тот самый, последний, большой и боро-датый. Он зыркнул глазами по сторонам и спросил:

– Один?

Сева робко кивнул.

Цыган по-хозяйски шагнул в квартиру:

– Сохранил? Все в целости?

– Что – в целости? – не понял Сева.

«Брат» сомкнул кустистые брови в одну грозную артиллерийскую линию.

– Память у тебя отшибло? Могу напомнить! – И поднес здоровенный грязный кулак прямо к Севиному носу.

Сева вспыхнул:

– А вы что тут кулаками размахались? Что себе позволяете? Я слыхом о вас не слыхивал! Даже имени вашего не знаю!

– И не узнаешь, – хмыкнул цыган. – Тебе оно ни к чему! Гони пакет, что Катька оставила!

– А-а, пакет... Так бы сразу и сказали! Это не вопрос, – пробурчал Сева. – А то ходят тут, кулаками машут... Вон он валяется, ваш пакет драгоценный!

«Брат» глянул в угол передней, куда ткнул пальцем Сева, и обрадованно схватил пакет. И сразу запел другим тоном:

– Вот спасибо тебе, ласковый! Вот помог, выручил ты нас, человек хороший! Катерина тебе привет прислала, благодарила очень.

– А... как там она?.. – неуверенно спросил Сева.

– Скучает без тебя, тоскует, истомилась прямо, ласковый! – уверенно заявил цыган. – Ох, как она томится, драгоценный! – И он пристально всмотрелся в Севино лицо.

– Так... может, зайдет она?.. – робко выговорил Сева.

После Катиного первого ухода он ликовал недели две, радовался еще три, жил спокойно еще месяц... А потом... Потом опять сломался его мирно-творческий график жизни, и Сева сбился, растерялся, расстроился. Вечерами в квартире казалось пусто и неестественно тихо. Мешали книги, примолкший телевизор, нервно мигающий ноутбук... Сева сам себе мешал.

– Зайдет! – твердо сказал «брат». – А ты вот что... Ты еще поддержи у себя другой пакет. Тебе несложно? За ним она и зайдет.

Сева машинально кивнул, опять бросил пакет в угол и сел ждать Катю.

Она пришла через неделю. За это плодотворное время – для поэтов таким всегда становится ожидание – Сева написал немало стихотворений.

Человек своему счастью кузнец.
Напридумали люди истин!
И когда же им, вечным, наступит конец?
От чего только мы не зависим!
От нелепых, нечаянно брошенных фраз,
От случайных, никем не предвиденных встреч...
Хоть бы раз, хоть бы раз, хоть один только раз
От своих мне зависеть и рук бы, и плеч!
А я все от чужих... Пусть от сильных, больших...
От улыбок и взглядов, звонков по ночам,
От чужой, непонятной, далекой души,
От обид, как всегда сгоряча, сгоряча...
И от черных котов, и от ветра и звезд,
И от просьбы чужой (не могу отказать!),
От нечаянных слов, от непрошенных слез...
Мы зависим от них. И без них нам нельзя.
А кузнец? Он кует. Кузнец песни поет.
Он один, для себя, независим и смел.
А у нас каждый день миллионы забот.
Мы зависим от стольких ненужных нам дел!
От усталости, радости, от суеты,
От непонятых чувств и от боли в предплечье,
От толпы и от снов, от дневной пустоты...

Мы зависим от мира. Что ты смог, человеке?
Но я говорю: славься!
Славься, моя святая зависимость от людей
И их зависимость от меня!
Мы спаяны одной цепочкой.
Может быть, в ней скрыт величайший смысл истории?
Не знаю. Знаю только, что если бы я не зависел от тебя,
А ты – от меня,
То жизнь потеряла бы так много,
Что ее трудно стало бы даже назвать жизнью.

Славься, моя святая зависимость от людей И их зависимость от меня! Мы спаяны одной цепочкой.

Может быть, в ней скрыт величайший смысл истории? Не знаю. Знаю только, что если бы я не зависел от тебя, А ты – от меня,

То жизнь потеряла бы так много,

Что ее трудно стало бы даже назвать жизнью.

Сева неосмотрительно прочитал это стихотворение Николаю. Шаг чересчур опрометчивый.

Матрешкиных дел мастер презрительно фыркнул: – Во-первых, тягомотина. Сократи! Во-вторых, от кого это ты намылился зависеть? Уж не от этой ли своей ведьмачки с косой до пят? Если так, то ты дубина законченная. Это в-третьих.

Сева хотел уклониться от ответа, но номер не прошел.

– Говори! – заорал Николай. – Тебе мало разграбленной квартиры?! Еще неприятностей захотелось?! Так ты их обязательно схлопочешь на свою голову! Усвоил?

– Катя больше не придет, – соврал немного испугавшийся Сева. – А если придет, я ее не пушу. Это не вопрос...

– «Не обещайте деве юной...» – злобно пропел брат. – Смотри, Всеволод! Ты не ребенок! А как там твой журнал-дурнал? Еще дышит?

– С трудом, – признался Сева. – Сам понимаешь...

– Понимаю, – сказал Николай. – Ситуация шаховая. Значит, так...

В его новом плане опять не замечалось ни малейшего просчета.

Глава 7

Едва Сева открыл дверь Кате на звонок, как из комнаты выплыл Николай, сияющий, словно перед своей коронацией.

– А-а, сестра! – весело сказал он. – Привет-привет! Не ждали... Никак медведь в тайге сдох. А похорошела-то как! Как расцвела! Прямо цветок на подоконнике! Чего пришла? Опять что-то выцыганивать?

Катя на минуту растерялась.

– Звал... – коротко объяснила она и кивнула на Севу.

– Дурак потому что, – лаконично отозвался Николай. – Он передумал.

– А он чего, онемел? – осмелела Катя.

– Не, пока еще нет. К несчастью. Но он у меня онемееет навсегда и очень скоро, если не возьмется за себя! – пригрозил Николай. – Его язык запросто может стать его последним оплотом свободы. Что в пакетике, сестра? – И он подкинул вверх пакет, который держал в руках.

Катя обозлилась:

– Тебе чего нужно? Чего пристал? Тебя кто сюда звал? Это не твой дом!

– Но и не твой! А он, – Николай кивнул в сторону Севы, – мой родной старший брат. Родной, усвоила? И единственный! Всю душу он из меня вынул, романтический мерзавец! Но я призван его защищать и беречь, как свою родину. Это мой долг. Так что в пакетике? – И Николай снова подбросил его вверх.

Катя потемнела от бешенства и гневно заверещала:

– Какое тебе дело до моего пакета? Отдай его мне! Он мой! Я за ним пришла!

– Забыла добавить «ласковый», – флегматично заметил Николай. – И еще «рубиновый». Или «малахитовый». Драгоценных камешков на свете много, всех не пересчитать. Так что там? Говори, или я его вскрою и сам посмотрю!

– Нет! – закричала Катя. Она подлетела к Николаю и вцепилась в его руку, пытаясь вырвать свой пакет. Николай со смехом отбивался и отталкивал ее. – Отдай! Это не твой! А ты что молчишь?! – вдруг повернулась она к Севе, мрачно наблюдавшему за происходившим.

Сева не знал, что делать и говорить. Он дал согласие на приезд брата, а теперь жалел об этом. Катя пришла, и для чего весь этот цирк? Это дурное представление? Что в пакете, что в пакете... Действительно, привязался...

– Отдай ей пакет, – пробурчал Сева. – И пусть она идет...

– Да, отдай! – обрадовалась Катя. – Мне нужно идти! Ой как нужно!

Николай протянул руку с пакетом:

– Держи!

Но едва Катя рванулась за своей, очевидно ценной, вещью, мгновенно отдернул руку назад и гулко захохотал.

Внезапно дверь открылась, и вошли три человека в милицейской форме. Сева изумился и вдруг вспомнил, что никто из Бакейкиных за Катей не закрыл замок, не щелкнул им, и она сама тоже, а Николай... Он куда-то позвонил с мобилы, едва Катя вошла, и что-то сказал, негромко так, два слова...

Катя попыталась проскочить к двери, но вошедшие загородили ей путь. Они стояли широко и властно – могучая кучка! – полностью заслонив спинами выход.

Катя истошно заголосила, и Севе стало как-то нехорошо и больно. Словно он сам заманил ее сюда, а потом выдал. И не важно ему, что в пакете – ворованные драгоценности, наркотики или поддельные документы на чье-то имя... Не важно... Он – обманщик, предатель...

– А-а-а! – заорал он так неожиданно, что люди в передней вздрогнули и автоматически, как по приказу, повернули к нему три головы.

И Катя все поняла, сообразила, ловко воспользовалась моментом. Она змеей – настоящей гадюкой, как потом сказал Николай, – прорвалась между зазевавшимися ментами и вырвалась на площадку. Они метнулись за ней, но Катя догадалась захлопнуть за собой дверь, а пока они открывали незнакомый замок, безвозвратно промчались те драгоценные секунды, что позволили ей пролететь по лестнице, выскочить во двор и раствориться в темноте...

– Ну ты и сволочь! За укрывательство и пособничество сядешь! – угрюмо пообещал Севернувшийся ни с чем старлей.

– Сяду! – согласился счастливый Сева. – Это не вопрос.

– «Как упоительны в России вечера...» – нежно промурлыкал Николай. – Хочется бросить кости... Ночь на дворе...

В пакете действительно оказался героин.

– Ситуация матовая, – сообщил Николай, разливая вино по бокалам. – И нечего на меня глаза пялить! Да, я, Николенька, маменькин сынок, снова начал пить! Тут запьешь...

Братья сидели на кухне у Севы.

– Значит, так... Объясняю. Какое-то время назад я попался... Ну, вляпался в нехорошую историю. Мне грозил срок... Большие деньги можно быстро нажать только воровством и обманом.

– А что ты сделал? – наивно спросил Сева, рассматривая на свет тарелку с сыром. Не заплесневел ли? Не опасно ли его есть? – Коль, может, нам надо было этих милиционеров тоже пригласить за стол? Работа у них тяжелая, каторжная. Всю жизнь с ворьем возятся, бедолаги... От нормальных людей давно отвыкли. Всю жизнь никому не верить – это же спятить можно в два счета!

Николай махнул рукой:

– Не! Им на службе пить не положено. Пускай дают стране угля! И вообще не суйся в мои дела. Кто тебя просил орать как оглашенного? Всю операцию ребятам сорвал... Негодяй ты все-таки, Севка... И блаженненький.

Сева согласно мотнул головой.

– Так что ты сделал? Почему тебя в тюрьму?

– А я в самую маленькую матрешку, которая уже не раскрывается, в последнюю крошку, внутрь, в серединку, а-аккуратненько вклепывал ма-аленький такой бриллиантик.

Камешек-лилипутик. И продавал за рубеж. Своим людям, конечно. Хо-орошо получал! Но потом мог и получить совсем другое... Подвела меня одна матрешка-малышка, схалтурил кто-то из наших. Она возьми да и разломись в самый непредвиденный момент, гадюка... Ну, я, конечно, отмазался. За большие деньги. Там тоже нужно знать, кому и сколько, а иначе влипнешь по самое не хочу. Но меня все равно менты на мушке держали. И когда ты на эту свою Катю запал, я сразу сообразил, что к чему. Если я помогу родным органам раскрыть какой-нибудь притончик по торговле наркотиками, то стану для любимого МВД совсем белым и пушистым. Но не вышло. По твоей вине. А ты себе уяснил, как важно пресекать все каналы наркоторговцев? Это же яд, погибель! Кого ты выручаешь? Паразитов всяких...

Сева думал, глядя на очень подозрительный сыр. Можно его есть или нельзя?... Брат мой Колька...

Николай встал, взял тарелку с сыром и вышвырнул его в мусорное ведро.

– Чтобы ты не мучился. А то прямо исстрадался весь! Всю душу ты из меня вынул, мерзавец!

– Я не их выручал, – сказал Сева. Он давно догадывался, как темен и скрытен его младший брат. – Я Катю...

– Пусть застрелится! – мрачно пожелал ей Николай.

Прошла тихая спокойная осень. Миновала белая зима. Сева отдохнул, вернул потерянный от счастья вес и купил себе новый свитер. Николай подарил ему сервиз и пару костюмов. А в конце марта, когда начал стаивать снег, в окно тревожно вламывался весенний бродячий ветер и деревья подумывали всюду распуститься, у Савеловского вокзала к Севе подошла немолодая цыганка в ярко-зеленом платке.

– Кто-то сглазил тебя, насквозь вижу! – решительно констатировала она. – Хочешь, выручу? Молодой ты еще, неопытный! Я все могу, все умею, расскажу, что было и что будет, не торопись!

Севу, как всегда, не интересовало ни то, что было, ни то, что будет. Только тоска, которую вдруг разбудила в нем цыганка своими дурацкими приговорками, повела его за собой, куда-то в сторону от стихов, от работы, от друзей. Он со страхом думал о том, что может вдруг встретить Катю и что, если она вернется, начнется все сначала, но почему-то, независимо от этого страха, подчиняясь неведомой силе, стал без устали мотаться в поисках по всем вокзалам Москвы.

Однажды Севе показалось, что возле электрички в непрерывном потоке пассажиров мелькнуло знакомое лицо одной из сестер. Он бросился за ней, но она ловко вильнула узким телом и мгновенно скрылась в толпе...

Глава 8

Жить стало невозможно. И жизнь стала невозможной. Она искривилась, согнулась кривым старым деревом, изломанным грозами и годами. Думы о счастье упрямо ломались на ветру, как высохшие черные ветки.

Сева напоминал сам себе робота – проснулся, точнее, очнулся, автоматически встал, поел, машинально потопал на работу... В голову назойливо лез тот сон, про какую-то жену по имени Ольга и дочку Женьку. Откуда они взялись?

Правда, капитализм принес немало нововведений, даже неплохих, и на работу ходить каждый день давно стало вовсе не обязательно – за те деньги, что платил журнал своим литературным сотрудникам, требовать от них ежедневного присутствия на службе выглядело бы верхом издевательства. Особенно по сравнению с зарплатами размалеванных по самые ушки девчонок-секретарш крутых соседних фирм. Да и аренда стоила нынче недешево, поэтому сразу три умирающих журнальчика ютились в двух комнатенках на Чистых прудах. А следовательно, и сидеть сотрудникам было негде. Так что – ищите подработки!

Другие сотрудники так и поступали – искали и находили себе вторые, третьи и четвертые работы. Крутились и вертелись. И вроде ничего, какие-то денежки выходили. У всех, кроме Севы. Зато он всегда оставался свободным, и именно к нему обращались в случае неотложных дел.

В детстве Сева сочинил такой стишок:

У трехлетнего ребенка
Вместо соски – папироска.

А Николай тотчас выдал другой, большим смыслом не отличающийся, зато демонстрирующий игру с формой:

Мальчик лет восьми—десяти
И дедушка лет восьмидесяти.

Из содержания этих двух детских стишков следовало, что Николай по натуре – менее лихой и более прилежный отрок, нежели Сева, как ни странно. Когда это было...

Позже Сева увидел на улице прототип своего детского стишка – по Москве, догоняя своих, мчалась цыганская девочка лет трех, от силы четырех, с сигаретой в зубах. Прохожие оборачивались, и одна женщина не удержалась и закричала ей вслед что-то изумленное, с легким родительским укором и слезноватым смехом. Впрочем, известно, что дети чукчей тоже с таких же лет курят трубки – от нечего делать.

Цыгане издавна словно преследовали Севу.

– Почему бы тебе не найти другой заработок? – спросил его как-то Николай. – Хотя бы набор текстов на компьютере. Ты ведь неплохо им владеешь. Или что-то еще. Давал бы стране угля! А себе малость денег.

– Это некрасиво, – объяснил Сева. – Совесть не позволяет. Получается какое-то раздвоение или даже растрояние личности.

– А-а, ты такой же законопослушный, как наши предки? – ядовито хмыкнул Николай. – Как мать разорялась, когда я вляпался! Прямо готова была отказаться от любимого сыночка! И заявила мне, что жить все равно надо по совести, даже если у тебя, то есть у меня, ее нет. Ты придержишься подобного мнения?

– Почти, – сказал Сева. – Но мне действительно кажется, что вторая работа – это подлость, предательство по отношению к первой.

Брат засмеялся и покрутил головой:

– Знаешь, в чем главное проклятие честных? Они окружающим могут говорить лишь правду, но себе они часто лгут. А по-моему, лучше соврать кому-то, чем себе.

В сентябре, когда вечерами прохожих по новой стали продувать навязчивые ветра, а деревья привычно покачивали желто-лысеющими макушками, Сева поехал к Николаю. На лестничной площадке опять слышалось пианино. Брат играл.

– Где-то медведь сдох. Чего прибыл? – хмуро спросил он. Был явно не в настроении.

– Я уезжаю, – сказал Сева. – На работе договорился. Нам все равно зарплату не дают третий месяц.

– Сколько подкинуть? – Николай закрыл крышку пианино. – В отпуск намылился? И куда едешь?

– Катю я поеду искать, – сказал Сева.

– Кого?! – Матрешкиных дел мастер машинально в замешательстве сел мимо стула и грохнулся об пол.

Удар смягчил пушистый ковер.

– Почему у тебя в туалете всегда пахнет едой? – спросил Сева.

– Соседи сверху там готовят. Ради экономии. И едят там же. Устроили там и кухню, и столовую, усвоил? – пробурчал Николай, поднимаясь и потирая ушибленный бок. – Ты чего глупости спрашиваешь, дубина дубиной?!

– Потому и спрашиваю, что дубина. У меня в эту слякотную погоду глючит Интернет. Он словно теряет голову. Осень, она и на искусственный интеллект тоже влияет, ничего не поделаешь. А кран у меня в квартире колет искрой. Причем бьет только меня, и никого больше. Говорят, тут тоже ничего не исправить, кто-то сделал заземление на трубах, и оно невольно доходит до нашей сантехники. А почему один я чувствую? Да сопротивление тела маленькое. Но якобы это не связано ни с возрастом, ни с силой, ни с комплекцией, просто у одних оно большое, у других – маленькое, объяснить нельзя. У меня уже сформировалась своего рода фобия к крану, как у горьковского мастера Григория, которому подкладывали горячие инструменты. Когда подхожу к крану, тяну к нему руку осторожно, аккуратно, иногда делаю несколько попыток, невольно приходится преодолевать искушение вообще никогда в жизни его не касаться. И мне вдруг на днях пришла в голову мысль, как не бояться бьющего током крана: открывать его в резиновых перчатках!.. Долго хохотал, оценивая собственную мысль... Представляешь, пришел руки мыть в перчатках...

– Ты мне зубы не заговаривай! Туалеты, краны... Где ты ее искать будешь?! – трубно взревел обиженным слонем Николай. – Собираешься всю Россию объехать?! Из конца в конец? А деньги? А время? Да и кочуют они непрерывно, эти твои возлюбленные цыгане, у них жизнь без границ. Может, она давно в Румынии, Катерина эта твоя чернокожая. Ей все равно, где не мыться и где наркотики продавать, усвоил? Что же я тебе объяснять все это должен, взрослому человеку?! Ты лучше дай в газету такое объявление о знакомстве: «Молодой привлекательный садист, пишущий стихи, ищет мазохистку для совместной жизни». Как много девушек хороших, но тянет чаще на плохих...

Сева спокойно зажег свет – уже темнело – и сел в кресло, где сразу стал едва заметен: маленький, коротконогий и короткорукий.

– Ты почему редко зажигаешь люстру?

– А чего зря электричество переводить? Мне как-то не в кайф лишние деньги отдавать Чубайсу.

Сева усмехнулся:

– Знаешь, я прихожу к выводу, что очень большие люди – имею в виду и рост, и объем сразу – часто плохо кончают. Например, упоминаемый Рабле легендарный капитан Понтинэ по прозвищу Бернский Бык, который отличался огромным ростом и толщиной и ездил верхом на орудии. Он погиб в битве, когда разгромили швейцарцев. Оно и понятно: в таких легко попасть, а мелочь пузатая – разбежится, пригнет голову, затаится и спасется. А вот тебе еще одна трагическая история огромного человека. Петр Первый увидел в Европе в цирках такого же Бернского Быка. Его там показывали любопытствующей публике. И решил наш император вывезти бугая в Россию и вывести породу громадных людей, подыскав ему такую же женщину.

– Нашел? – справился младший брат.

– А как же! Расстарался... И поженил их... Но у них дети не рождались. И тогда он...

Николай деловито закончил фразу:

– Его расстрелял.

– Кроме шуток, ты почти угадал. Петр из него чучело сделал.

– Ну, закономернo... Хотя и жестоко.

– Да Петр – он диктатор тот еще был, страшный человек. Кстати, и Маяковский, по сути – Бернский Бык, тоже плохо кончил. Я тут пообщался кое с кем... Мне рассказали, где поближе к Москве стоят таборы. Сначала я их все обойду, там, глядишь, кто-нибудь про Катю подскажет. Это не вопрос.

– Да никакая она не Катя! – махнул рукой Николай. – И описать ее сложно – косы у многих, красные юбки – тем более. Какие у нее достопримечательности? Особые приметы?

Сева задумался.

– Вот то-то и оно! Никаких! – торжествующе подытожил Николай. – Как ее отыскать? И потом, Всеволод... Ну, допустим, ты ее найдешь... А дальше что? Настоящее всегда чревато будущим, усвоил? Кроме того, безумные надежды всегда рожают малодушие.

– Про «дальше» я не думал, – честно признался Сева и логично добавил: – Сначала найти надо.

– Вообще я с уважением отношусь ко всякого рода отклонениям от здравого смысла, тем более к твоим, – ухмыльнулся Николай. – Но должны ведь быть и границы допустимого... Хотя чем смехотворнее ошибки, которые совершает человек, тем больше вероятность, что он никого не предаст и не перехитрит. Не сумеет.

– Ошибки, ошибки... – проворчал Сева. – Давай сварим кофе...

– Опять?! Ненавижу я его, этот кофе! Да на что она тебе сдалась, твоя Катя?! – вновь заревел матрешкиных дел мастер, словно бык, оказавшийся перед тореадором.

Сева не ответил.

Он действительно в последнее время, всю весну и лето, общался исключительно с цыганами.

Особенно много их толклось возле Киевского вокзала. Там часто бегал один цыганенок – в джемпере каком-то, а снизу до пояса – совершенно голый. И его пол Сева сначала определить не мог – ребенок все время прыгал к нему попой, не поворачиваясь будто специально.

Сева ждал, что цыганки, по обыкновению, обратят на него внимание, но промахнулся. Как раз, когда ему остро требовалось поговорить с ними, они его словно не замечали. А сам Сева заговорить с ними стеснялся. И грустно побрел через мост к «Смоленской».

На мосту подскочил бойкий цыганенок лет семи и принялся выклянчивать деньги. Две молодые цыганки наблюдали с другой стороны. Сева дал мальчику немного мелочи и опять ждал, что женщины подойдут, но они не подошли. А мальчишка бодро поскакал за другими прохожими.

В подземном переходе на полу спал совершенно голый цыганенок лет двух. Цыгане, цыгане, кругом одни цыгане...

– Вот, и ничего им не делается! – возмущенно сказала немолодая женщина рядом. – Ничем не хворают, как заговоренные! Зато наши дети чуть что – насморк! Едва дунуло – кашель! У меня внук без конца болеет, дочка только и сидит на бюллетене.

– А может, и правда заговоренные, – отозвалась другая, помоложе.

Рядом с ребенком, поджав под себя ноги, сидела худая простоволосая цыганка. Вроде даже и милостыни не просила, и на гадание не набивалась – просто впаялась в пол и терпеливо ждала, пока проснется набегавшийся ребенок. Тоже дремала. Странная какая-то... Или наркоты насосалась? Все они, как говорил Николай... Много он говорил правильно, только жил наперекосяк, а оттого его истины истинами не казались.

Сева постоял немного в стороне, помялся... Потом осмелился и сделал несколько шагов к цыганке:

– Вы извините...

Она подняла на него хмурые вопросительные глаза.

– Я ищу одну женщину... Цыганку... Ее Катей зовут... – несмело продолжал Сева.

– Ну и ищи себе! – Цыганка зевнула и вновь опустила острые ресницы, не желая разговаривать дальше.

Да и что в нем для нее, в этом пустом разговоре?

– Мне очень нужно ее найти... – безнадежно повторил Сева.

– Иди своей дорогой! – неласково отозвалась цыганка.

Сева последовал ее совету. Но когда он уже ступил на лестницу, цыганка внезапно взметнулась с пола и бросилась за ним. Ребенок по-прежнему безмятежно спал на кафельной плитке.

– Ты если милицию на нас наведешь, плохо тебе будет! – зашипела она Севе прямо в лицо, обдавая горячим и несвежим дыханием.

Сева сразу вспомнил дурацкую рекламу «Рондо». И подумал, насколько разными могут быть синонимы по своей лексической и эмоциональной наполненности. Можно сказать, как любят утонченно выражаться в рекламе: «У нее несвежее дыхание». А можно о том же самом сказать иначе: «У нее изо рта воняет, как будто ей туда на...» И сам устыдился своих мыслей.

– Мы тебя не трогали, и ты нас не трожь! – вопила цыганка, размахивая руками.

– Да вы не поняли... – начал Сева.

– Все я поняла! – крикнула цыганка. – Все! Навести на нас хочешь! Катю ищешь! Какую Катю?!

Сева вздохнул и пошел дальше. На него посматривали прохожие, а один мужчина сказал:

– Никогда с этими пестрыми бабами не разговаривайте! Обходите их за версту. У них тут табор неподалеку.

– Табор? А где?

– Да в Мичуринце. – И мужчина махнул рукой в сторону Киевского вокзала. – Прямо возле станции.

На следующий день Сева с утра отправился в Мичуринец.

Глава 9

Табор нашелся быстро. Его и искать не надо было – прямо слева от станции, среди редких, неохотно выросших здесь деревьев или уцелевших после какой-то гигантской мировой катастрофы, мелькали разноцветные палатки. Это стояли табором цыгане.

На перроне две цыганочки лет по двенадцать злобно колотили третью. Та яростно отбивалась и пыталась убежать, но противницы не давали ей такой возможности.

Дети, подумал Сева, а уже на редкость злые, ожесточенные... Жизнь такая.

Он хорошо понимал, что ссылки на жизнь – способ пустой и нелепый, провалившийся еще в прошлые века. Однако человечество идет проторенным путем, привычным и стандартным, вместо того чтобы искать и выбирать другие дороги. Оно так проще. Легче. Более знакомо. А иное, новое – всегда пугает и настораживает.

Сева спустился по стертой лесенке с перрона и зашагал к палаткам. До них – рукой подать. Пятнадцать шагов. Или шестнадцать. Первая трава овевала вытоптанную дорожку с двух сторон, как веерами, и еще не клонилась к земле от зноя или дождей. Она была пока молода и задорна, островато колола ноги, забираясь под джинсы, и пахла так, как умеет пахнуть лишь трава-подросток в Подмоскovie в конце весны. Сева вдохнул этот юный запах и задохнулся, как типичный городской житель, редко выбирающийся за город.

Между палаток он брел осторожно, оглядываясь и озираясь. На него никто не обратил внимания. Ровно никакого. Словно не заметили. Хотя приметили отлично и наблюдали, изучали исподволь и искоса. Людей между этими палатками каждый день бродило несчитано. Горели костерки, на которых грели чайники и жарили мясо. На земле раскинулись синие, красные и оранжевые ватные одеяла – то ли дезинфекцию проходили, то ли просто на них днем валялись. Но сейчас эти яркие прямоугольники больно били в глаза, диссонируя на зеленой траве красным, синим, оранжевым светом. Вроде картин Петрова-Водкина. И любимые цыганские сочетания.

Сева медленно шагал между палатками. Их оказалось немало – табор был вполне приличный по размеру. Видно, цыгане расположились здесь надолго и всерьез.

А чем они занимаются? – думал Сева. Ну, женщины с детьми ездят в Москву – тут близко, удобно – гадать да просить милостыню. Косметику продают, как-то пару раз видел. А что делают мужчины? Гадать им не к лицу, тогда что же? А-а, да, наркотики... Ну, наверное, не они одни. Еще чем-то промышляют.

Вокруг костерков и просто на траве сидели женщины. Дети носились вокруг с дикими воплями, но опять – Севу они словно не видели, не замечали. Ему стало как-то не по себе – нечто нехорошее, подозрительное прикоснулось к душе легким серым туманом и обволокло ее сыростью и хмарью.

Сева хотел заговорить с этими женщинами, расспросить их – а вдруг они что-то знают? Помогут? Подскажут? Но и говорить было страшно. А почему – Сева не понимал. Потом поймал один-другой косой взгляд, мрачный, хорошего не обещающий, и поторопился уйти ни с чем. Он внезапно понял, что все это – его хождения тут, попытки расспросов, поиски – совершенно бесполезно. И никакой правды ему у этих женщин с лживыми глазами – скользких, узкокостных, не женщины, а иголки! – не вызнать, не доискаться, не допроситься, как ни старайся.

И Сева повернулся и заторопился обратно, к станции. Мимо тех же неприветливых палаток и холодных, угрожающих взглядов исподлобья, изредка будто нацеливающихся ему в спину.

Уже возле лестницы на перрон его догнала молодая развязная цыганка. И залопотала с полоборота:

– Эй, что я тебе скажу! Молодой, красивый, и жить будешь долго!..

Сева не оглянулся, не остановился и прибавил ходу. Неинтересно слушать, что она там наплетет дальше. Но цыганка нагнала его и цепко, больно схватила за руку:

– Эй, ты чего приходил? Может, погадать тебе? Давай погадаю.

Сева руку вырвал, но притормозил.

– Гадание меня не волнует.

– А что волнует? Ты скажи. Вдруг подсоблю!

Она блеснула на солнце золотым зубом. Как они все обожают золото... И где берут его в таком количестве?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.